

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ВОРОНЕЖ НАРОДНИКОВЕДЧЕСКИЙ :
СБ. СТАТЕЙ. – ВОРОНЕЖ : ИСТОКИ, 2012**

На протяжении второй половины XIX – первой четверти XX в. заметное место в русской общественно-политической мысли и русском общественно-политическом движении занимало народничество. Данному явлению посвящено огромное количество исследований. Причем взгляды ученых, публицистов, политиков различны, вплоть до диаметральной противоположности. Данная тема остается актуальной как в научном, так и в политическом отношении.

Немалый вклад в изучение народничества внесли и воронежские ученые. Более того, с конца 60-х гг. прошлого века Воронеж стал одним из народниковедческих центров страны и остается таковым по сей день. Одним из подтверждений является выход в 2012 г. сборника «Воронеж народниковедческий».

В предисловии редактора сборника – доктора исторических наук Г. Н. Мокшина дается не только характеристика статей, вошедших в издание, но и история воронежского народниковедения. При небольшом объеме она весьма содержательна. Автор определил вехи становления и развития воронежского народниковедения, назвал его лидеров: Л. Б. Генкина, М. Д. Карпачева, А. А. Слинько. Думается, есть основания причислить к ним и самого Г. Н. Мокшина – его книги и многочисленные статьи красноречиво свидетельствуют об этом.

Если посмотреть на развитие народниковедения в стране в целом, можно констатировать явное снижение интереса к этой теме в постсоветский период. Это связано, во-первых, с нарастанием негативного отношения к освободительному движению, во-вторых, с резкой актуализацией вопросов монархизма, консерватизма, а в последнее время и национализма. (Заметим, что свою лепту в разработку этих проблем внес Воронеж, более того, он стал одним из центров по изучению русского консерватизма.) Народниковедение было потеснено, но если в других регионах количество научной продукции по народниковедению заметно упало, то в Воронеже в последнее время оно выросло почти вдвое. По нашему мнению, причина кроется в том, что воронежские ученые еще в советский период сумели освободиться от слепого следования марксистско-ленинским штампам. Еще в 1970-е гг. М. Д. Карпачев констатирует, что представления о крестьянских интересах самих крестьян и

народников далеко не во всем совпадали, а потому определение народников как крестьянских демократов нельзя воспринимать буквально. Конечно, открыто заявлять об этом в те годы Карпачев мог только в устных беседах, в печати же приходилось прибегать к иносказаниям. В результате объективный, а не надуманный подход стал все больше закрепляться в воронежском народниковедении. Как пишет всё в том же предисловии Г. Н. Мокшин, «у воронежских исследователей сложились определенные подходы и приоритеты в изучении народнической идеологии и практики. Прежде всего, это интерпретация явления народничества как идейного самоопределения и самовыражения части дворянско-разночинной интеллигенции...».

В силу ограниченного объема Мокшин обошел вниманием эпизод, связанный с печально знаменитой статьей А. Ф. Смирнова «За строгую научность, достоверность и историческую правду»¹. Смирнов в ней фактически обвинил большую группу народниковедов в недопустимой идеализации народничества, ведущей к превращению последнего в один из источников ленинизма. Критик, разумеется, имел право на выдвижение подобной точки зрения, однако он опубликовал свою работу в журнале «Коммунист», с которым нельзя было дискутировать в принципе – его материалы воспринимали как веление самой партии. Никаких указаний непосредственно от партии, однако, не последовало, в то же время, ряд неприятностей народниковедам пришлось пережить. Возникли сложности с утверждением тем диссертаций. Задерживались публикации рукописей научных статей и монографий. Известны случаи, когда исследователи отказывались от продолжения работы над темами, посвященными народничеству. Правда, в конечном итоге ввиду отсутствия указаний сверху проблема себя исчерпала.

Данная ситуация не могла не отразиться на жизни воронежских народниковедов, но воронежцы сумели с ней справиться, пожертвовав немногим. Так, М. Д. Карпачев, готовя к публикации свою монографию, убрал из ее названия крамольное слово-

¹ Смирнов А. За строгую научность, достоверность и историческую правду / А. Смирнов // Коммунист. – 1972. – № 16. – С. 113–124.

сочетание «революционные народники», заменив его на более безобидное: «революционеры-разночинцы». Год спустя А. А. Слинко защитил докторскую диссертацию, посвященную Н. К. Михайловскому. С этого времени о злополучной статье А. Ф. Смирнова забыли.

Однако вернемся к рецензируемому изданию. Первая и самая спорная статья сборника – «Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху» – принадлежит М. В. Кирчанову. История русского национализма за последнее десятилетие стала самой востребованной. Политическая ситуация в стране многократно актуализировала эту тему. Более того, есть основания считать, что само существование России зависит от правильного понимания национального вопроса. Неудивительно, что национализм рассматривается со многих позиций и в самых неожиданных сочетаниях. В этом контексте стремление Кирчанова внести свою лепту в исследование данной проблемы совершенно естественно. По его мнению, «народничество следует признать как переходный этап в предыстории русского национализма, рассматривая в качестве предшественника как правых, так и левых проявлений националистической идеологии» (с. 10). При этом автор статьи признает, что «сами идеологи народничества мало интересовались проблемами национализма, национальным вопросом и национальными отношениями в Российской империи. Национальное в текстах теоретиков движения растворено в широкой социально-экономической проблематике» (с. 11). Соглашаясь с последней мыслью автора, подчеркнем, что национализм несовместим с отстаиванием классовых интересов. Он, напротив, нацелен на сглаживание социальных проблем. Народники же заявляли о необходимости служения народу, под которым они понимали крестьянство, которое при всем своем большинстве не представляет всей нации.

Тщательно фиксируя элементы национализма у идеологов народничества, Кирчанов обнаруживает их у П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и др. А между тем Ткачев, например, писал, что под воздействием социализма «неминуемо и неизбежно должны ослабиться и исчезнуть все племенные особенности, все национальности должны слиться в одну общечеловеческую семью. Между принципом социализма... и принципом национализма существует непримиримый антагонизм. Или социализм должен быть принесен в жертву национализму, или национализм в жертву социализму»².

Если даже признать существование элементов национализма в народничестве, то совершенно оче-

видно, что не они определяли сущность явления. Иностранцы можно обнаружить в любом учении. Кирчанов же утверждает, что «народники были своего рода дефектным или неполным национальным движением» (с. 21). Но идя по такому пути, можно признать Ивана Грозного дефектным основоположником русской демократии, ибо и местное самоуправление, и земские соборы – аналоги парламентов возникли и развивались при нем.

Одной из самых больших проблем постсоветской эпохи стал террор. За предыдущие относительно мирные десятилетия общество о нем практически забыло, а работы историков, в которых террор затрагивался, воспринимались как дела давно минувших дней. Как выяснилось, мы были слишком благодушны. В связи с этим заслуживает одобрения попытка О. Н. Квасова («Российский терроризм второй половины XIX века: народнический аспект») разобраться в народническом аспекте российского терроризма второй половины XIX в. Автор справедливо утверждает, что политический террор существовал всегда и маловероятно, что в ближайшем будущем люди от него откажутся. Свои деяния народники оправдывали идейными причинами; главных аргументов, как это показано в статье, было два: готовность отдать жизнь за народ и неадекватная реакция имперских властей на освободительное движение. Что же касается политического насилия, то, по утверждению Квасова, первыми призывать к нему, организовывать и осуществлять его стали народники. «Однако спровоцировала это насилие именно имперская власть и в первую очередь нежеланием и неумением вести дискуссии со своими политическими оппонентами» (с. 33). В действительности с последними и невозможно было вести нормальных дискуссий. В эпоху «Великих реформ» Александра II интеллигенция получила возможность принять участие в мирном преобразовании России. Но из-за радикального меньшинства этот исторический шанс был упущен. Разумеется, власть тогда не проявила гибкости, но и «передовая» общественность тоже не шла на компромисс. Что же касается обвинения властей в жестокости, особенно в период правления Александра III, когда, по мнению советских ученых, был «белый» террор, то необходимо обратиться не к мифологемам, а к фактам. В 1884 г. был арестован член военной организации «Народная воля» В. Я. Яковлев, будущий историк В. Я. Богучарский. Яковлев был офицером, нарушившим присягу, вступившим в антиправительственную организацию, готовившую государственный переворот и исповедующую террор как один из методов борьбы. Следовательно, есть основания полагать, что Яковлев заслуживал, если не казни, то, по крайней мере, каторги. Он же получил три года ссылки. И это «белый» террор?

² Ткачев П. Н. Революция и принцип национальности // П. Н. Ткачев // Избр. соч. на социально-политические темы : в 4 т. – М., 1933. – Т. 4. – С. 405–424.

Безусловный интерес представляет статья *О. С. Сафронова* («Исторические взгляды идеологов русского анархизма как исследовательская проблема»), посвященная историческим взглядам П. А. Кропоткина и М. А. Бакунина. Судя по всему, автор хотел привлечь внимание научной общественности на данную проблему, совершенно справедливо считая ее слабо изученной. «...Есть все основания констатировать: проблема специфики исторических взглядов русских анархистов еще не становилась предметом специального теоретического и конкретно-исторического анализа, хотя отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в работах отечественных и зарубежных специалистов» (с. 47). Соглашаясь с этим, хотелось бы привлечь внимание автора на следующее. В историографии широко распространено мнение, согласно которому исторические взгляды анархистов политически значимы, но к исторической науке отношение не имеют. Если Сафронов желает серьезного пересмотра наследия Кропоткина и Бакунина, то он должен прежде всего доказать, что основоположники русского анархизма действительно историки.

Одной из вечных проблем революционного движения была проблема провокаторства. Не могло избежать его и народничество. Как известно, революционеры не делали различия между провокаторами и осведомителями. Совершенно очевидно, что это делалось умышленно, с целью дискредитации любого противника освободительного движения. В чрезвычайно интересной статье *А. В. Перегудова* («От осведомителя до провокатора – один шаг: из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870–1880-х гг.»), посвященной борьбе революционеров и жандармов на рубеже 1870–1880-х гг., эта проблема решена весьма убедительно. Особый интерес вызывают жизнь и судьба, пожалуй, самого известного провокатора XIX в. С. П. Дегаева. В литературе имя Дегаева упоминалось не раз, но его жизнеописание неизменно заканчивалось на организованном им убийстве инспектора секретной полиции Г. П. Судейкина и последовавшем бегстве из России. А между тем вдали от родины Дегаев стал профессором математики, любимцем американских студентов и очень уважаемым человеком. Вообще, жизнь Дегаева дает богатый материал не только для серьезного научного исследования, но и для романа, правда, для написания последнего нужен как минимум талант Ф. М. Достоевского.

Редактор рецензируемого сборника *Г. Н. Мокшин* в качестве автора взял на себя труд осветить некоторые важные теоретические проблемы легального народничества («От теории «малых дел» к широкой «культурной работе»: эволюция легального народничества в 1880–1890-е гг.»). Так, он вполне убедитель-

но показывает, что, вопреки распространенному в историографии мнению, теория «малых дел» и культурничество не одно и то же. Справедлив и вывод Мокшина о том, что все народники-реформисты, сторонники как больших, так и малых дел выступали за «самодержавие народа». Однако последнее было возможно только при условии уничтожения существующего строя. Споры же о методах достижения этой цели – радикальных или либеральных, быстрых или многолетних – суть дела не меняли. Мокшин, как до него целый ряд историков, приводит материалы, свидетельствующие о том, что российские оппозиционеры несли царскому режиму гибель. Не реагировать на это последний не мог. Другое дело, что многие представители политической элиты недооценивали серьезности ситуации, а потому противодействовали «передовой общественности» вяло и нерешительно. Имел место и произвол, но его масштабы явно преувеличены либерально-демократической, а позднее и советской литературой.

Вместе с тем Мокшин выявил и указал на наличие в народничестве течения, которое принципиально отказалось от любых форм насилия и пыталось найти общую позицию для всех общественных сил, проявив при этом готовность умерить собственные аппетиты ради общего согласия. Думается, что это был бы выход из политического тупика, в который попала Россия. Однако этот путь не сулил ни романтики, ни быстрых успехов, а требовал кропотливой многолетней будничной деятельности. Соблазн решить все быстро оказался слишком заманчивым для известной части российской интеллигенции, которая, как правильно резюмировал Мокшин, оказалась политически и культурно незрелой.

Одним из видных теоретиков легального народничества был В. П. Воронцов. Долгие годы к нему относились критически, а его идейное наследие оценивалось весьма невысоко. Статья *А. И. Пенькова* («К вопросу о роли В. П. Воронцова в народническом движении 70–90-х гг. XIX столетия») побуждает к пересмотру этой позиции. Если советские ученые считали экономические взгляды Воронцова отсталыми, поскольку он, например, переоценивал географический фактор, то в свете современной науки он выглядит как ученый, верно определивший воздействие этого фактора на экономику России. Народник обоснованно показал, что вследствие географических и климатических условий России ее промышленные издержки будут гораздо больше, нежели в Западной Европе и США. Вывод же Воронцова о нецелесообразности следовать за западным капитализмом по-прежнему выглядит весьма убедительным.

Идеология революционных народников в последние годы изучается скупо. В связи с этим небезын-

ресна статья *Е. А. Савицкой* («Развитие идеологии революционного народничества в 80–90-х гг. XIX в.»), в известной степени восполняющая образовавшийся в историографии пробел. Добротный фактический материал содержится и в статье *А. А. Куцеволова* («Деятельность партии социалистов-революционеров среди крестьянства Воронежской губернии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.)»), посвященной деятельности эсеров среди Воронежского крестьянства. С фактической стороны автору вряд ли что можно возразить. Однако есть аспект, на который надо обратить внимание. Во время революции 1905–1907 гг. в воронежской деревне действовали не только эсеры, но и черносотенцы, причем последние были успешнее первых.

Завершает сборник статья профессора *М. Д. Карпачева* («Воронежские неонародники 1920-х гг. о

путях развития русской деревни»), в которой рассматривается неонароднический проект развития русской деревни. Явив, как всегда, характерные аналитические способности и прекрасное знание предмета исследования, Карпачев убедительно показал, что воронежские агрономы-рационализаторы (неонародники по политическим взглядам) разрабатывали и проводили самый рациональный курс переустройства сельского хозяйства. Этот курс был связан со столыпинскими преобразованиями, с той существенной разницей, что помещики навсегда исчезли бы из деревни. Если сравнивать неонароднический проект со сталинской коллективизацией, то преимущества первого очевидны. Однако ускоренная индустриализация при таком курсе исключалась. А это в перспективе привело бы страну к гибели, ибо хлебными караваями от танков не отобьешься.

Л. М. Искра,
доктор исторических наук, профессор